

Г. С. Иванова

**РЕЛЯЦИОННАЯ ПАРАДИГМАТИКА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИНСАРСКОГО ДИАЛЕКТА)**

В статье рассматривается реляционный потенциал отрицательных местоимений в мокша-мордовском языке. Объект исследования – инсарский диалект, отличающийся от других диалектов мокшанского языка тем, что данный разряд местоимений в нем самый многочисленный и характеризуется большими словоизменительными возможностями. В качестве источников изучения были использованы научные труды отечественных и зарубежных ученых, грамматики мордовских языков, диалектный материал, собранный в полевых условиях и хранящийся в словарном кабинете филологического факультета.

Результат анализа показал следующее: в мокшанском языке отрицательные местоимения – это те же неопределенные местоимения при глаголах с отрицанием (чаще) или без них. Разряд отрицательных местоимений насчитывает одиннадцать лексем. Если в литературном языке отрицательные местоимения не имеют реляционных форм, то в инсарском диалекте большинство из них изменяется по всем трем типам склонения; агглютинация формантов определенности и притяжательности осуществляется в такой же последовательности, что и в именах существительных; варьирование выделительно-усилительной частицы в пределах одной парадигмы подчиняется закону сингармонизма. При отсутствующем глаголе отрицание, выступая в роли предиката, принимает сказуемые и субъектно-объектные суффиксы.

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, отрицательное местоимение, выделительно-усилительная частица, парадигма, реляционная форма.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-191-198

«Местоимение отрицательное *англ.* negative pronoun – это местоимение, в составе которого имеется префикс (приставка), отрицающий содержание его корневой морфемы» [Ахманова 1966, 228].

В финно-угорских языках отрицательные местоимения являются вторичными, появились они относительно недавно от первичных вопросительных местоимений присоединением к ним выделительно-усилительных частиц, которые использовались и для подчеркивания неопределенного значения, так что «... “неопределенное” и “отрицательное” местоимение оказались тождественными, но в то же время ограниченными от породившего их вопросительного местоимения» [ОФУЯ 1974, 294].

Местоимения в отдельных финно-угорских языках исследовали в своих работах и отечественные [Майтинская 1966; 1969; Федюнова 2009; 2017; Иванова, Жебряткина 2013; Иванова 2014; Левина 2016; 2018 и др.], и зарубежные ученые [Lehtisalo 1936; Ravila 1950, Collinder 1960 и др.].

В грамматиках мордовских языков о данном разряде местоимений материал очень скуден.

«В мордовских языках нет местоимений, выражающих отрицание: отрицание выражает частица *не* при глаголе. Отрицание же при местоимениях выявляется только в контексте... Чаще всего вместо отрицательных местоимений употребляются вопросительные местоимения с прибавлением к ним частицы *-как* в эрзянском языке, которая в зависимости от конечного звука местоимения изменяется в *-как, -дяк, -як, -ак*, в мокшанском *-ок, -ге*» [ГМЯ 1962, 238].

С этой информацией перекликается определение их функции в «Грамматике мордовских языков» (1980 г.): «В функции отрицательных выступают вопросительные местоимения с частицами *-вок, -ге* при глаголах с отрицанием» [ГМЯ 1980, 266].

Так как одни и те же выделительно-усилительные частицы использовались для подчеркивания и отрицательного, и неопределенного значений, можно сказать, что отрицательные местоимения – это те же неопределенные местоимения, которые при глаголах с отрицаниями (иногда при отрицаниях без глаголов) приобретают отрицательный смысл.

В мокшанском языке отрицательные местоимения могут использоваться и при отсутствующем глаголе: в данном случае глагольные реляционные суффиксы принимает само отрицание; они присоединяются как посредством интерфиксального гласного, так и без него; например: *kosəŋǵă / kosəvək son*

aš ‘нигде его нет’, *kosəŋgä / kosəvək mon aš-an* ‘нигде меня нет’, *kosəŋgä / kosəvək ton aš-at* ‘нигде тебя нет’, *kosəŋgä / kosəvək min' aš-ə-tamä* ‘нигде нас нет’, *kosəŋgä / kosəvək t'in' aš-ə-tadä* ‘нигде вас нет’, *kosəŋgä / kosəvək sin' aš-ə-t* ‘нигде их нет’, *kosəŋgä / kosəvək min' aš-ə-täl'am'ë* ‘нигде нас не было’, *kosəŋgä / kosəvək t'in' aš-ə-täl'äd'ë* ‘нигде вас не было’, *kosəŋgä / kosəvək s'in' aš-ə-L't'* ‘нигде их не было’.

В инсарском, или икающем, диалекте [Иванова 1917] мокшанского языка отрицательных местоимений насчитывается одиннадцать: *kivək / kig'ë* ‘никто’, *miz'əvək / miz'g'ë* ‘ничто’, *konavək* ‘никто’ (букв. ‘никоторый’), *konacəvək / konackä* ‘никто из них’ (букв. ‘никоторый’), *kodavək / kodəŋgä* ‘никак’, *kodatəvək* ‘никакой’, *məz'arəvək / məz'arəŋgä* ‘нисколько’; *məz'ardəvək / məz'ardəŋgä* ‘никогда’, *kosəvək / kosəŋgä* ‘нигде’, *kostəvək / kostəŋgä* ‘ниоткуда’, *kozəvək / kozəŋgä* ‘никуда’.

Подавляющее большинство из них, за исключением местоимений *kodatəvək* ‘никакой’, *konavək* ‘никоторый’, выступают с двухвариантными (палатально-велярными) частицами *-vək / -ŋgä*; *-vək / -gä*; *-vək / -g'ë*; *-vək / -kä*.

В литературном языке этот разряд местоимений состоит из семи лексем: *kivək*, *mez'əvək*, *konavək*, *kodatəvək*, *məz'arəvək*, *məz'arəc'əvək*, *mez'gə* [МКМ 2000, 109].

Не имея собственных грамматических признаков, местоимения приобретают грамматические признаки тех частей речи, вместо которых они выступают, поэтому в инсарском диалекте все отрицательные местоимения можно разделить на четыре группы:

1) местоимения-существительные: *kivək / kig'ë* ‘никто’, *miz'əvək / miz'g'ë* ‘ничто’;

2) местоимения-прилагательные: *konavək* ‘никто’ (букв. ‘никоторый’), *konacəvək / konackä* ‘никто из них’ (букв. ‘никоторый’), *kodatəvək* ‘никакой’;

3) местоимения-наречия: *kodavək / kodəŋgä* ‘никак’, *məz'ardəvək / məz'ardəŋgä* ‘никогда’, *kosəvək / kosəŋgä* ‘нигде’, *kostəvək / kostəŋgä* ‘ниоткуда’, *kozəvək / kozəŋgä* ‘никуда’ (данная группа самая многочисленная);

4) местоимения-числительные: *məz'arəvək / məz'arəŋgä* ‘нисколько’.

В рассматриваемом диалекте отрицательные местоимения образовались от основ вопросительно-относительных местоимений с помощью выделительно-усилительных частиц *-vək*, *-ŋ'g'ë*, *-ŋgä*, *-gä*, *-g'ë*, *-kä*; например: *miz'əvək* ‘ничто, ничего’ < *miz'ë* ‘что’ + *-vək* ‘ни’, *kivək* ‘никто’ < *kij'ë* ‘кто’ + *-vək* ‘ни’, *konackä* ‘никто из них’ (букв. ‘никоторый’) < *konac* ‘который’ + *-kä* ‘ни’, *kodavək / kodəŋgä* ‘никак’ < *koda* ‘как’ + *-vək / -ŋgä* ‘ни’, *kodatəvək / kodatəŋgä* ‘никакой’ < *kodatä* ‘какой’ + *-vək / -ŋgä* ‘ни’, *məz'arəvək* ‘нисколько’ < *məz'arä* ‘сколько’ + *-vək* ‘ни’; *məz'ardəvək / məz'ardəŋgä* ‘никогда’ < *məz'ardä* + *-vək / -ŋgä* ‘ни’, *kosəvək / kosəŋgä* ‘нигде’ < *kosä* ‘где’ + *-vək / -ŋgä* ‘ни’, *kostəvək / kostəŋgä* ‘ниоткуда’ < *kostä* ‘откуда’ + *-vək / -ŋgä* ‘ни’, *kozəvək / kozəŋgä* ‘никуда’ < *kozä* ‘куда’ + *-vək / -ŋgä* ‘ни’.

При отрицательных местоимениях обычно выступают отрицания: *aš* ‘не’, *af* ‘не’, *t'a-* ‘не’; например: *kivək ašəz' mol'* ‘никто не пошел’, *kivək af mol'i* ‘никто не идет’, *miz'əvək ašəz' s'ev* ‘ничего не взял’, *miz'əvək af s'evi* ‘ничего не возьмет’, *konackä ašəz' lotka* ‘никто (никоторый) не остановился’, *konackä af lotkaj* ‘никто не остановится’, *kodəŋgä / kodavək ašəz' səRkaftəv* ‘никак не смогли собрать его (ее)’, *kodəŋgä / kodavək af səRkaftəvi* ‘никак не соберётся он (она)’, *kodatəvək af ir'avi* ‘никакой не нужен’, *kodatəvək ašəz' känd* ‘никакой не принес’, *məz'arəvək ašəz' kad* ‘нисколько не оставил он’, *məz'arəvək af kočkavi* ‘нисколько невозможно собрать’; *məz'ardəŋgä / məz'ardəvək t'amak ušë* ‘никогда не жди меня’, *kosəŋgä / kosəvək son aš* ‘нигде его нет’, *kostəŋgä / kostəvək af saj* ‘ниоткуда не придет’, *kostəŋgä / kostəvək t'ak viš'an'dë* ‘нигде его не ищи’, *kozəŋgä / kozəvək t'as't' kučs'ë* ‘никуда его не посылайте’, *kozəŋgä / kozəvək ašəm'ë suvs'ë* ‘никуда мы не заходили’.

В литературном языке вместо *aš* ‘не’ довольно часто используется отрицание *iz'* ‘не’, например: *kivək iz' mol'ə* ‘никто не пошел’, *kodavək iz' səRkaftəv* ‘никак не смогли собрать его (ее)’, *kozəvək iz'əmə suvs'ə* ‘никуда мы не заходили’.

Отрицание *t'a-* ‘не’ может принимать формы единственного или множественного числа императива – *t'a-t* ‘ты – не’, *t'a-dä* ‘вы – не’; например: *miz'əvək t'at toks'ë* ‘ты ничего не трогай’; *miz'əvək t'ad toks'ë* ‘вы ничего не трогайте’; *kozəŋgä t'at tušəndä* ‘ты никуда не уходи’, *kozəŋgä t'ad tušəndä* ‘вы никуда не уходите’ и т. д.

Кроме форм императива, отрицание *t'a-* ‘не’ выступает в формах 1, 2, 3-го лица единственного числа и в форме 3 лица множественного числа адхортатива – *t'a-z-an* ‘я – не’, *t'a-z-at* ‘ты – не’, *t'a-zä* ‘он – не’, *t'a-s-t* ‘они – не’; например: *kosəŋgä t'a-z-an lotks'ë* – ‘пусть нигде я не остановлюсь’; *kosəŋgä t'a-z-at lotks'ë* – ‘пусть нигде ты не остановишься’; *kosəŋgä t'a-zə lotks'ë* – ‘пусть нигде он не останавливается’; *kosəŋgä t'a-s-t lotks'ë* – ‘пусть нигде они не останавливаются’; а также в отдельных формах объектного спряжения – *t'a-ma-k* ‘ты меня – не’; *t'a-ma-s-t'* ‘вы меня (нас) – не’; *t'a-k* ‘ты его – не’, *t'a-*

s'-t' ‘вы его (их) – не’; например: *kosəŋ t'a-ma-k lotkafn'ě* ‘ты меня нигде не останавливай’, *kosəŋ t'a-ma-s-t' lotkafn'ě* ‘вы меня нигде не останавливайте’, *kosəŋ t'a-k lotkafn'ě* ‘ты его нигде не останавливай’, *kosəŋ t'a-s-t' lotkafn'ě* ‘вы его (их) нигде не останавливайте’.

Если в мокшанском литературном языке отрицательные местоимения реляционных форм не имеют [МКМ 2000, 109], в инсарском диалекте местоимения первой группы, как и имена существительные, изменяются по всем трём типам склонения: основному, указательному и притяжательному.

Основное склонение

Единственное число

Ном. <i>miz'əvək / miz'g'ě</i> ‘ничего, ничто’, <i>kivək</i> ‘никто’ Ген. <i>miŋ'g'ě, kiŋ'g'ě</i> Дат. <i>min'diŋ'g'ě, kin'diŋ'g'ě</i> Абл. <i>miz'dəŋ'g'ě, kidəŋgä</i> Инес. <i>mizsəŋgä, kisəŋgä</i> Элат. <i>mizstəŋga, kistəŋgä</i> Ил. <i>mižška, kiška</i>	Лат. <i>miz'i</i> , – Прол. <i>miz'gavək / kin'izgavək / izgaŋgä</i> Комп. <i>mižškaŋgä / kiškaŋgä</i> Абес. <i>miz'ftəməŋ'g'ě, kiftəməŋgä</i> Транс. <i>miz'əkska, kikska</i> Кауз. <i>miz'əŋksəŋgä, kiŋksəŋgä</i>
--	--

В единственном числе основного склонения местоимение *miz'əvək* ‘ничто’ изменяется по тринадцати падежам; *kivək* ‘никто’ – по двенадцати падежам, в образовании пролатива принимает участие форма генитива вопросительного местоимения *kije?* ‘кто’ и послелог *izga* ‘по’, к которому агглютинирует выделительно-усилительная частица *-vək* или *-ŋgä* – *kin' izgavək / izgaŋgä*. Причём в косвенных падежах частицы варьируют в зависимости от качества конечного звука основы: к звонкому согласному и к гласному заднего ряда присоединяется вариант *-ŋga* (формы аблатива, инессива, элатива, компаратива, абессива, каузатива); к глухому согласному – вариант *-ka* (формы иллатива, транслатива); к гласному переднего ряда и к палатальному согласному основы – варианты *-ŋ'g'ě, -g'ě* (формы номинатива, генитива, датива, аблатива, абессива); к гласной основе – вариант *-vək* (формы номинатива, пролатива).

В основном склонении форма множественного числа местоимений *kivək* ‘никто’, *miz'əvək / miz'g'ě* ‘ничто’ образуется с помощью суффикса *-t / -t'*; к глухому согласному присоединяется выделительно-усилительная частица тоже с глухим согласным, соответственно *-kă* или *-k'ě*: *ki-t-ka* ‘никто’, *m'is'-t'-k'ě* ‘ничто’.

В средне-вадском, темяшевском диалектах мокшанского языка, равно как и в литературном языке, отрицательные местоимения формы множественного числа не имеют [Деваев 1963; Бабушкина 1966].

В указательном склонении местоимение *miz'əvək* получает форманты всех трёх падежей и в единственном, и во множественном числе, местоимение *kivək* – только во множественном числе. Падежные формы отрицательных местоимений образованы по схеме изменения имени существительного: в номинативе единственного числа фрикативный вариант суффикса определенности следует за фрикативным консонантом усеченной местоименной основы; в форме множественного числа согласно закономерности выступает упрощенный вариант суффикса множественного числа *-n'ě* вместо *-t'n'ě*, и конечную позицию в словоформе занимает выделительно-усилительная частица.

Указательное склонение

Единственное число	Множественное число
Ном. <i>miz'-s'-kě</i>	Ном. <i>mis'n'ə-vək, kit'n'ə-vək</i>
Ген. <i>miz'-t'-kě</i>	Ген. <i>mis'n'ə-n'-g'ě, kit'n'ə-n'-g'ě</i>
Дат. <i>miz'-t'i-ŋ'g'ě</i>	Дат. <i>mis'n'ə-n'd'i-ŋ'g'ě, kit'n'ə-n'd'i-ŋ'g'ě</i>

Формы притяжательного склонения получает лишь местоимение *miz'əvək* ‘что’, которое изменяется по 10 падежам во всех шести рядах *mon'* ‘мой’, *ton'* ‘твой’, *son'* ‘его’, *min'* ‘мой’, *t'in'* ‘твой’, *s'in'* ‘его’.

Отрицательная частица занимает постпозицию по отношению к лично-притяжательному суффиксу и к падежному форманту.

В формах генитива и датива, наоборот, падежный формант находится в постпозиции к лично-притяжательному суффиксу; начиная с аблатива, последовательность изменяется: к местоименной основе присоединяется падежный формант, к которому – посессивный суффикс и выделительно-усилительная частица.

Вариативные возможности выделительно-усилительной частицы в притяжательном склонении расширяются: вместо четырёх вариантов используются шесть – *-vək*, *-ŋ'g'ě*, *-ŋgǎ*, *-gǎ*, *-g'ě*, *-kǎ*.

Агглютинация вариантов происходит согласно закону сингармонизма [Цыганкин, Иванова, 2019]: *-vək* – к предыдущему редуцированному гласному; *-ŋgǎ* – к редуцированному гласному с предшествующими веллярными согласными; *-ŋ'g'ě* – к гласному переднего ряда *i* с предшествующими палатальными согласными; *-gǎ* – к твердому сонорному согласному; *-g'ě* – к мягкому сонорному согласному; *-kǎ* – к предыдущему глухому согласному.

Притяжательное склонение

Ряд mon' 'мой'	Ряд ton' 'твой'	Ряд son' 'его'
Ном. <i>miz'-z'ə-vək</i>	<i>miz'-c'ə-vək</i>	<i>miz'ə-c-kǎ</i>
Ген. <i>miz'-z'ə-n'-g'ě</i>	<i>miz'-c'ə-n'-g'ě</i>	<i>miz'ə-n-c-ka</i>
Дат. <i>miz'-s'-t'i-ŋ'g'ě</i>	<i>miz'-c'-t'i-ŋ'g'ě</i>	<i>miz'ə-n-c-ti-ŋ'g'ě</i>
Абл. <i>miz'-d'ə-n'-g'ě / miz-də-n-gǎ</i>	<i>miz-də-t-kǎ</i>	<i>miz-də-ndzə-ŋgǎ</i>
Инес. <i>miz-sə-n-gǎ</i>		
Элат. <i>miz-stə-n-gǎ</i>	<i>miz-sə-t-kǎ</i>	<i>miz-sə-ndzə-ŋgǎ</i>
Ил. <i>miz-z-ə-n-gǎ</i>	<i>miz-stə-t-kǎ</i>	<i>miz-stə-ndzə-ŋgǎ</i>
Лат. –	<i>miz-z-ə-t-kǎ</i>	<i>miz-z-ə-ndzə-ŋgǎ</i>
Прол. <i>miz'ə-va-n-gǎ</i>	–	–
Комп. <i>miž-ška-n-ga</i>	<i>miz'-ga-t-kǎ</i>	<i>miz'-ga-ndzə-ŋgǎ</i>
Абес. <i>miz'-ft'əmə-n-ga</i>	<i>miž-ška-t-ka</i>	<i>miž-ška-ndzə-ŋga</i>
	<i>miz'-ft'əmə-t-ka</i>	<i>miz'-ft'əmə-ndzə-ŋga</i>

Ряд min' 'наш'	Ряд t'in' 'ваш'	Ряд s'in' 'их'
Ном. <i>miz'ə-n'kə-vək</i>	<i>miz'ə-n't'ə-vək</i>	<i>miz-snə-vək</i>
Ген. <i>miz'ə-n'kə-n'-g'ě</i>	<i>miz'ə-n't'ə-n'-g'ě</i>	<i>miz'-snə-n-gǎ</i>
Дат. <i>miz'ə-n'kə-n'd'i-ŋ'g'ě</i>	<i>miz'ə-n't'ə-n'd'i-ŋ'g'ě</i>	<i>miz-snə-ndi-ŋ'g'ě</i>
Абл. <i>miz-də-nək-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-də-nənt-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-də-st-kǎ</i>
Инес. <i>miz-sə-nək-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-sə-nənt-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-sə-st-kǎ</i>
Элат. <i>miz-stə-nək-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-stə-nənt-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-stə-st-kǎ</i>
Ил. <i>miz-z-ə-nək-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-z-ə-nənt-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz-z-ə-st-kǎ</i>
Лат. –	–	–
Прол. <i>miz'-ga-nək-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz'-ga-nənt-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz'-ga-st-kǎ</i>
Комп. <i>miž-ška-nək-ə-ŋgǎ</i>	<i>miž-ška-nənt-kǎ</i>	<i>miž-ška-st-kǎ</i>
Абес. <i>miz'-ft'əmə-nək-ə-ŋgǎ</i>	<i>miz'-ft'əmə-nənt-kǎ</i>	<i>miz'-ft'əmə-st-kǎ</i>

Местоимение-числительное: *məz'arəvək* 'несколько' изменяется по основному и притяжательному склонениям.

В основном склонении приобретает формы почти всех падежей, за исключением латива и транслатива. В процессе словоизменения, в зависимости от фонетического окружения, частица *-vək* трансформируется в *-g'ě*, *-ŋ'g'ě*, *-ŋgǎ*, *-kǎ*, из них самыми распространенными являются варианты *-ŋ'g'ě*, *-ŋgǎ*

Ном. <i>məz'arə-vək</i> 'несколько'	Прол. <i>məz'arə-va-ŋgǎ</i>
Ген. <i>məz'arə-n'-g'ě</i>	Комп. <i>məz'arə-ška-ŋgǎ / məz'arə-ška-vək</i>
Дат. <i>məz'arə-n'd'i-ŋ'g'ě</i>	Абес. <i>məz'arə-ft'əmə-ŋgǎ / məz'arə-ft'əmə-vək</i>
Абл. <i>məz'arə-də-ŋgǎ</i>	Транс. –
Инес. <i>məz'arə-sə-ŋgǎ</i>	Кауз. <i>məz'arə-ŋksə-ŋgǎ / məz'arə-ŋksə-vək</i>
Элат. <i>məz'arə-stə-ŋgǎ</i>	
Ил. <i>məz'arə-s-ka</i>	
Лат. –	

Особенностью является синкопирование редуцированного гласного перед посессивным суффиксом *-c'ə* в ряде *ton'* 'твой' в формах номинатива и генитива; *-snə* в ряде *s'in'* 'их' в формах номинатива, генитива и датива; а также перед падежными формантами: абессива *-ft'əmə* во всех рядах; инессива *-sə*, элатива *-stə* в рядах *son'* 'его', *min'* 'наш', *t'in'* 'ваш'; пролатива *-ga* в рядах *son'* 'его', *min'* 'наш', *s'in'* 'их', компаратива *-ška* в рядах *min'* 'наш', *t'in'* 'ваш', *s'in'* 'их'.

Притяжательное склонение

Ряд <i>mon'</i> 'мой'	Ряд <i>ton'</i> 'твой'	Ряд <i>son'</i> 'его'
Ном. <i>məz'arə-z'ə-vək</i>	<i>məz'ar-c'ə-vək</i>	<i>məz'arə-c-kă</i>
Ген. <i>məz'arə-z'ə-n'-g'ě</i>	<i>məz'ar-c'ə-n'-g'ě</i>	<i>məz'arə-n-c-ka</i>
Дат. <i>məz'arə-z't'i-ŋ'g'ě</i>	<i>məz'arə-c't'i-ŋ'g'ě</i>	<i>məz'arə-n-c-ti-ŋ'g'ě</i>
Абл. <i>məz'arə-də-n-gă</i>	<i>məz'arə-də-t-kă</i>	<i>məz'arə-də-ndzə-ŋgă</i>
Инесс. <i>məz'arə-sə-n-gă</i>	<i>məz'arə-sə-t-kă</i>	<i>məz'ar-sə-ndzə-ŋgă</i>
Элат. <i>məz'arə-stə-n-gă</i>	<i>məz'arə-stə-t-kă</i>	<i>məz'ar-stə-ndzə-ŋgă</i>
Ил. <i>məz'arə-z-ə-n-gă</i>	<i>məz'arə-z-ə-t-kă</i>	<i>məz'arə-z-ə-ndzə-ŋgă</i>
Лат. —	—	—
Прол. <i>məz'arə-va-n-gă</i>	<i>məz'arə-va-t-kă</i>	<i>məz'ar-ga-ndzə-ŋgă</i>
Комп. <i>məz'arə-ška-n-gă</i>	<i>məz'arə-ška-t-kă</i>	<i>məz'arə-ška-ndzə-ŋgă</i>
Абес. <i>məz'ar-ft'əmə-n-gă</i>	<i>məz'ar-ft'əmə-t-kă</i>	<i>məz'ar-ft'əmə-ndzə-ŋgă</i>

Ряд <i>min'</i> 'наш'	Ряд <i>t'in'</i> 'ваш'	Ряд <i>s'in'</i> 'их'
Ном. <i>məz'arə-n'kə-vək</i>	<i>məz'arə-n't'ə-vək</i>	<i>məz'ar-snə-vək</i>
Ген. <i>məz'arə-n'kə-n'-g'ě</i>	<i>məz'arə-n't'ə-n'-g'ě</i>	<i>məz'ar-snə-n-gă</i>
Дат. <i>məz'arə-n'kə-n'd'i-ŋ'g'ě</i>	<i>məz'arə-n't'ə-n'd'i-ŋ'g'ě</i>	<i>məz'ar-snə-ndi-ŋ'g'ě</i>
Абл. <i>məz'arə-də-nək-ə-ŋgă</i>	<i>məz'arə-də-nənt-ə-ŋgă</i>	<i>məz'arə-d'ə-st-kă</i>
Инесс. <i>məz'ar-sə-nək-ə-ŋgă</i>	<i>məz'ar-sə-nənt-ə-ŋgă</i>	<i>məz'arə-sə-st-kă</i>
Элат. <i>məz'ar-stə-nək-ə-ŋgă</i>	<i>məz'ar-stə-nənt-ə-ŋgă</i>	<i>məz'arə-stə-st-kă</i>
Ил. <i>məz'arə-z-ə-nək-ə-ŋgă</i>	<i>məz'arə-z-ə-nənt-ə-ŋgă</i>	<i>məz'arə-z-ə-st-kă</i>
Лат. —	—	—
Прол. <i>məz'ar-ga-nək-ə-ŋgă</i>	<i>məz'arə-va-nənt-ə-ŋgă</i>	<i>məz'ar-ga-st-kă</i>
Комп. <i>məz'ar-ška-nək-ə-ŋgă</i>	<i>məz'ar-ška-nənt-kă</i>	<i>məz'ar-ška-st-kă</i>
Абес. <i>məz'ar-ft'əmə-nək-ə-ŋgă</i>	<i>məz'ar-ft'əmə-nənt-kă</i>	<i>məz'ar-ft'əmə-st-kă</i>

Остальные местоимения изменяются только при субстантивации.

Итак, в мордовских языках отрицательные местоимения являются вторичными: они образовались от первичных вопросительных местоимений путем присоединения к ним выделительно-усилительных частиц *-vək*, *-ŋ'g'ě*, *-ŋgă*, *-gă*, *-g'ě*, *-kă*.

Отрицательные местоимения аналогичны неопределённым местоимениям и проявляют себя в отрицательном значении при глаголах с отрицаниями (иногда при отрицаниях без глаголов) *aš* 'не', *af* 'не', *t'a* 'не'.

В инсарском диалекте мокшанского языка словоизменительные возможности отрицательных местоимений шире, чем в литературном языке. В рассматриваемом диалекте данный разряд насчитывает одиннадцать местоимений, имеющих падежные формы всех трёх склонений; кроме падежных формантов, принимают суффиксы определенности и притяжательности, которые агглютинируют в строго определенной последовательности; частицы в пределах одной словоизменительной парадигмы способны варьировать, подчиняясь закону сингармонизма; в мокшанском литературном языке отрицательных местоимений семь, они не склоняются. При отсутствующем глаголе отрицание принимает сказуемостные и субъектно-объектные суффиксы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
 Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226.
 ГМЯ 1980 – Грамматика мордовских языков. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 1980. 431 с.
 ГМЯ 1962 – Грамматика мордовских языков: фонетика и морфология. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962.

- Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 26–433.
- Иванова Г. С. Диалектная классификация мокша-мордовского языка (на основе лингвистического принципа) // Языки народов России: история и современность. Западный: Научно-исследовательский центр «Антро-Вита», 2017. Т. I. С. 29–50.
- Иванова Г. С. Жебряткина И. Я. Морфология некоторых неличных местоимений в пшневском говоре мокшанского языка // Финно-угорский мир. 2013. № 2 (15). С. 78–81.
- Иванова Г. С. Парадигматические возможности отрицательных местоимений в юго-восточном диалекте мокшанского языка // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона: материалы Международной научно-практической конференции XIV Макаркинские научные чтения. Саранск: Мордов. гуманитар. ин-т, 2014. С. 58–64.
- Левина М. З. Предикативная функция местоимений в мокшанском языке // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем: сборник научных трудов по материалам Международного симпозиума, посвященного юбилеям финно-угроведов Х. Паасонена, П. Аристэ и Б. А. Серебренникова. Саранск, 2016. С. 98–103.
- Левина М. З. Роль первичных местоимений в образовании наречий в мордовских языках (сравнительный аспект) // Вестник угроведения. Т. 8. № 2. 2018. С. 268–274.
- Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 309 с.
- Майтинская К. Е. Функция местоименного суффикса –n в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 65–80.
- МКМ – Мокшень кяль. Морфология: вузоль мокшень и финно-угрань отделенияса тонафнихненди учебник. Саранск, 2000. 236 с.
- ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.
- Федюнева Г. В. Первичные местоимения и их производные в пермских языках: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2009. 37 с.
- Федюнева Г. В. Свое и чужое в структуре пермских отрицательных местоимений // Пермистика-16. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2017. С. 325–334.
- Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. Т. 9, № 3. 2019. С. 510–518.
- Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1999. 183 s.
- Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 425 p.
- Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1936. 399 p.
- Ravila P. Zur Geschichte der Deklination der Personalpronomina in den uralischen Sprachen // Memoires de la Societe Finno-ougrienne. Vol. 98. Helsinki, 1950.

Поступила в редакцию 18.03.2020

Иванова Галина Софроновна

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарева»,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
E-mail: galina17-05@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7717-543X

G. S. Ivanova

RELATIONAL PARADIGMATICS OF NEGATIVE PRONOUNS IN THE MOKSHA LANGUAGE (USING THE INSAR DIALECT AS AN EXAMPLE)

10.35634/2224-9443-2020-14-2-191-198

This article examines the relational potential of negative pronouns in the Moksha-Mordovian language. The object of the study is the Insar dialect, which differs from other dialects of the Moksha language in that this category of pronouns is the most numerous in it, and is characterized by large inflection possibilities. The sources of study were used scientific works of domestic and foreign scientists, grammars of Mordovian languages, dialect material collected in the field and stored in the dictionary room of the faculty of Philology.

The result of the analysis showed the following: in the Moksha language, negative pronouns are the same indefinite pronouns in verbs with or without negation (more often). The category of negative pronouns has eleven lexemes. If in the literary language negative pronouns do not have relational forms, then in the Insar dialect most of them change ac-

ording to all three types of declension; agglutination of definiteness and possessiveness formants is carried out in the same sequence as in nouns; the variation of the excretory-amplifying particle within a single paradigm obeys the law of synharmonism. In the absence of a verb, negation, acting as a predicate, takes predicate and subject-object suffixes.

Keywords: Moksha language, dialect, negative pronoun, excretory-amplifying particle, paradigm, relational form.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 191–198. In Russian.

REFERENCES

- Akhmanova O. S.** Slovar' lingvisticheskikh terminov. [Dictionary of linguistic terms]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 608 p. In Russian.
- Babushkina R. V.** Temyashevskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka. [Temyashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language]. Ocherki mordovskikh dialektov [Sketches of the Mordovian dialects]. Saransk, 1966. Vol. 4. pp. 16–226. In Russian, Moksha.
- ГМЯ 1980** – Grammatika mordovskikh yazykov. [Grammar of the Mordovian languages]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1980. 431 p. In Russian, Moksha, Erzya.
- ГМЯ 1962** – Grammatika mordovskikh yazykov: fonetika i morfologiya [Grammar of the Mordovian languages: phonetics and morphology]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1962. 376 p. In Russian, Moksha, Erzya.
- Devaev S. Z.** Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka. [The Middle Vad dialect of the Moksha-Mordovian language]. Ocherki mordovskikh dialektov [Sketches of the Mordovian dialects]. Saransk, 1963. Vol. 2. pp. 261–433. In Russian, Moksha.
- Ivanova G. S.** *Dialektnaya klassifikatsiya moksha-mordovskogo yazyka (na osnove lingvisticheskogo printsipa)*. [Dialect classification of the Moksha-Mordovian language (based on the linguistic principle)]. *Yazyki narodov Rossii: istoriya i sovremennost'*. [Languages of the peoples of Russia: history and modernity]. Zapadnyy, 2017. Vol. I. pp. 29–50. In Russian, Moksha.
- Ivanova G. S., Zhebratkina I. Ya.** *Morfologiya nekotorykh nelichnykh mestoimений v pshenevskom govore mokshanskogo yazyka*. [The morphology of some impersonal pronouns in Pshenevskiy dialect of Moksha language]. *Finno-ugorskiy mir*. [Finno-Ugric World]. 2013, issue 2 (15), pp. 78–81. In Russian, Moksha.
- Ivanova G. S. *Paradigmaticheskiye vozmozhnosti otritsatel'nykh mestoimений v yugo-vostochnom dialekte mokshanskogo yazyka*. [Paradigmatic possibilities of negative pronouns in the southeastern dialect of the Moksha language]. *Kul'turologicheskii podkhod v ekonomiko-pravovom razvitii regiona: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XIV Makarkinskiye nauchnyye chteniya*. [Cultural Studies in the Economic and Legal Development of the Region: Materials of the International Scientific and Practical Conference of the XIV Makarkin Scientific Readings]. Saransk: Mordov. gumanit. in-t, 2014. pp. 58–64. In Russian.
- Levina M. Z.** *Predikativnaya funktsiya mestoimений v mokshanskom yazyke*. [Predicative function of pronouns in the Moksha language]. *Finno-ugorskiye yazyki narodov Rossii v usloviyakh vzaimodeystviya s yazykami raznykh sistem. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo yubileyam finno-ugrovedov Kh. Paasonena, P. Ariste i B.A. Serebrennikova*. [Finno-Ugric languages of the peoples of Russia in terms of interaction with languages of different systems. Materials of the International Symposium dedicated to the anniversaries of Finno-Ugric scholars H. Paasonen, P. Ariste and B. A. Serebrennikov]. Saransk, 2016. pp. 98–103. In Russian, Moksha.
- Levina M. Z.** *Rol' pervichnykh mestoimений v obrazovanii narechiy v mordovskikh yazykakh (sravnitel'nyy aspekt)*. [The role of primary pronouns in the formation of dialects in Mordovian languages (comparative aspect)]. *Vestnik ugrovedeniya*. [Bulletin of Ugric Studies]. 2018, issue 8 (2), pp. 268–274. In Russian, Moksha.
- Maytinskaya K. Ye.** *Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem*. [Pronouns in the languages of different systems]. M: Nauka, 1969. 309 p. In Russian.
- Maytinskaya K. Ye.** *Funktsiya mestoimennogo suffiksa -n v lichnykh i voprositel'nykh mestoimенийakh finno-ugorskikh yazykov*. [Function of the pronominal suffix -n in personal and interrogative pronouns of Finno-Ugric languages]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaneya*. [Issues of Finno-Ugric linguistics]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. Pp. 65–80. In Russian.
- МКМ** – *Mokshen' kyal'. Morfologiya*. [The Moksha language. Morphology]. Saransk, 2000. 236 p. In Moksha.
- ОФУЯ** – *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)*. [Basics of Finno-Ugric linguistics (questions of origin and development of Finno-Ugric languages)]. M.: Nauka, 1974. 484 p. In Russian.
- Fedyuneva G. V.** *Pervichnyye mestoimeniya i ikh proizvodnyye v permskikh yazykakh*. [Primary pronouns and their derivatives in Perm languages]. Saransk, 2009. 37 p. In Russian.
- Fedyuneva G. V.** *Cvoye i chuzhoye v strukture permskikh otritsatel'nykh mestoimений*. [Own and others ' in the structure of Perm negative pronouns]. *Permistika-16. Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami*. [Permistika-16. Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages]. Syktyvkar, 2017, pp. 325–334.

Tsygankin D. V., Ivanova G. S. *Assimilyativnyy potentsial singarmonizma v yazykakh agglyutinativnogo tipa.* [Assimilative potential of vowel harmony in languages of agglutinative type]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies]. 2019, issue 9 (3), pp. 510–518. In Russian, Moksha.

Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia.* Helsinki, 1999. 183 p. In Finnish.

Collinder B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages.* Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 425 p. In German.

Lehtisalo T. *Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1936. 399 p. In German.

Ravila P. *Zur Geschichte der Deklination der Personalpronomina in den uralischen Sprachen // Memoires de la Societe Finno-ougrienne, XCVIII.* Helsinki, 1950. In German.

Received 18.03.2020

Ivanova Galina Sofronovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
National Research Ogarev Mordovia State University
68, ul. Bolshevistskaya, Saransk, 430005, Russian Federation
E-mail: galina17-05@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7717-543X